

требления; на одном ее списке того времени (рукопись ГПБ, Соф. 1147) на полях отмечено: «аще ли волит и сию да глаголет», т. е. читать эту «Молитву» тогда уже не было обязательным.

Так сложилась в рукописном наследии судьба произведения, которое рукописная традиция связывала с именем митрополита Илариона крепче, чем «Слово о законе и благодати». Вероятно, поэтому писец Синодального списка и включил ее в Иларионовский цикл, приписав ее к «Слову о законе и благодати», хотя скорее всего «Молитва» не входила в состав «Слова». Писец Синодального списка, очевидно, принял риторический прием — обращение к князю Владимиру, примененный в конце «Слова», за молитву к нему, так как тогда, в XVI в., Владимир давно уже считался святым, и решил продолжить обращение к Владимиру обращением к богу. Окончательно решить вопрос о том, входила ли «Молитва» Илариона в состав «Слова о законе и благодати», можно лишь в результате специального и глубокого исследования обоих этих произведений, что в свою очередь можно будет сделать, лишь имея в руках их научное издание.

Остается еще сказать о трех произведениях XV и XVI вв., в которых было использовано «Слово о законе и благодати».

Первое из них, отнесенное Н. К. Никольским к четвертой, «толковой», по его выражению, редакции «Слова», не представляет интереса: «Слово о законе и благодати» использовано в нем лишь в церковно-полемических целях. Приводятся только те места первой части «Слова», в которых говорится об иудеях, используемые в полемике с «жидовином»; обращением к последнему, следующим за первым отрывком «Слова», начинается толкование в «Слове» библейских образов и пророчеств. Текст «Слова о законе и благодати» приводится при этом по второй его редакции, но со значительными сокращениями и изменениями, главным образом за счет свободного, но тенденциозного пересказа (последнее, может быть, и послужило для Никольского основанием считать это произведение особой редакцией «Слова»). В изложении «Слова» неожиданно и без всякого к тому повода появляется большой кусок из известного «Списка книг пророческих» с толкованием Упыря Лихого и также с некоторыми изменениями. После этой вставки продолжается изложение «Слова о законе и благодати» по частям с толкованиями, в которых приводятся преимущественно цитаты из Ветхого, а иногда и Нового заветов, из сочинений отцов церкви, аскетических писателей и т. п. Все это внушается некоему «жидовину» с целью убедить его в преимуществе «благодати» перед «законом». Изложение «Слова» кончается первыми строками его заключительной части — «Похвалы князю Владимиру» («Хвалит бо Римская страна...»).

Что могло послужить поводом к такому одностороннему использованию содержания «Слова о законе и благодати», сказать трудно: можно лишь предположить, что неизвестного церковника-полемиста привлекло обильное использование в «Слове» библейских тем, сюжетов и цитат. Если это обстоятельство дало основание составителю третьей редакции лишь расширить «Слово» толкованием или дополнительным набором цитат из Ветхого завета, то автору так называемой «толковой» редакции оно дало повод использовать часть «Слова о законе и благодати» в церковно-полемических целях.

Гораздо более интересный и результативный пример использования «Слова о законе и благодати» имеется в двух других произведениях. Одно из них, известное в трех списках (старейший — конца XV в.), озаглавлено: «О крещении Русския земля и от жития вкратце и похвала иже во святых равнаго апостолом благовернаго великаго князя Владимира, на-